

Сергей Бюлов

**СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ
НАКЛОНЕНИЕ**

Сергей Бюлов

Сослагательное наклонение

«Написано пером»

2014

Бюлов С.

Сослагательное наклонение / С. Бюлов — «Написано пером»,
2014

2007 год. Страна готовится к празднованию 90 лет Великой Октябрьской Социалистической Революции. В 1991 году Советский Союз не распался. Железный занавес не поднят. Официальная идеология тщательно охраняется. Четверо диссидентски настроенных друзей заполучили мемуары смещенного в 1988 г. опального генсека М. С. Горбачева и планируют опубликовать их за границей. Но всемогущий КГБ не дремлет ...

© Бюлов С., 2014

© Написано пером, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сергей Бюлов

Сослагательное наклонение

ISBN 978-5-00071-088-3 © С. Бюлов, 2014

© ООО «Написано пером», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

2007 год. Страна готовится к празднованию 90 лет Великой Октябрьской Социалистической Революции. В 1991 году Советский Союз не распался. Берлинская стена по-прежнему разделяет немецкий народ и весь мир. Железный занавес не поднят.

В результате заговора консервативно настроенной верхушки КПСС, в конце 1988 года, Михаил Сергеевич Горбачёв был смещён с поста генерального секретаря. О гласности более ни слова, официальная идеология тщательно охраняется.

Глава 1

Директор мебельной фабрики Николай Петрович Евстафьев сидел в своём кабинете. Только что закончилось утреннее совещание. Он очень любил после этого побыть один и поразмышлять. Через месяц ему предстояла поездка в Италию. В прошлом году во время визита итальянского премьер-министра в СССР его делегация посещала фабрику как образцовое социалистическое предприятие. Один из предпринимателей, входивший в состав делегации, пригласил Николая Петровича к себе.

Выходец из коммунистической семьи, Николай Петрович сам уже 20 лет состоит в рядах КПСС. Вот уже 4 года как он возглавляет фабрику. Ему было 42, когда он был назначен на эту должность. Через 2 года после назначения фабрика была признана образцовым предприятием. Это был определённо один из перспективных руководителей коммунистических кадров.

Раздался стук в дверь.

– Разрешите, Николай Петрович?

– А, это ты, Саша, заходи.

– Надеюсь, я тебя не сильно отвлекаю.

– Для тебя я всегда свободен, – усмехнувшись, ответил Евстафьев.

Александр Голубев – давний друг Евстафьева, они знакомы ещё со школы. Долгое время Голубев работал журналистом газеты «Правда». Три года освещал войну в Афганистане, где был тяжело ранен. Эта война нанесла существенный отпечаток на его характер. Вся бессмысленность кровопролитий, отсутствие ясной перспективы этой войны укреплялись в нём день ото дня. В свою очередь это стало поводом для его сомнений в верности советских догм. Эти сомнения со временем нарастали, а 7 лет назад он был уволен из редакции за «антисоветчину». Излишне смелый и прямолинейный стиль его статей давно вызывал негодование редакции. В конце концов он был обвинен в деятельности, направленной на дискредитацию советского государства. Дело по соответствующей статье заведено, правда, не было, но он был исключён из партии и уволен из редакции. Поводом стала его статья, посвящённая XXXI съезду КПСС, наполненная критичными замечаниями. Само собою разумеется, что эта статья опубликована не была. С тех пор он стал убеждённым антикоммунистом, как следствие, стали появляться новые друзья, такие же антикоммунисты, как и он сам.

Однако, несмотря на это, Николай с Александром всё-таки оставались друзьями. В какой-то степени эта дружба была опасна для карьеры Евстафьева, но друзья в его жизни всегда занимали особое положение. Он всегда ценил настоящую дружбу. Николаю было известно об убеждениях Голубева и о его друзьях, а сам Александр никогда не опасался быть преданным своим другом, хотя и знал, что он не только не разделяет, но и осуждает его антисоветские настроения.

– Свободен, говоришь? – с улыбкой спросил Голубев, – как дыхание советского человека?

– Ты опять за своё!

– Это не только моё, это всех здравомыслящих людей.

– Здравомыслящих?! – взорвался Николай. – Это ты что ли здравомыслящий? Контра несчастная.

– Из твоих уст «контра» звучит, пожалуй, как комплимент.

– Комплимент, говоришь? Да тебя просто жаба душит, что из партии тебя исключили. Вот поэтому ты с ума-то и сходишь! Но ведь, если разобраться, ты же сам во всём виноват!

– Это в чём это интересно я виноват? В том, что у нас в стране за красивыми лозунгами...

– Ну, хватит! – перебил его Евстафьев. – Я уже устал слушать одно и то же. Ты по телефону говорил, у тебя дело есть ко мне. Выкладывай, а то мне нужно работать.

Голубев достал из своего портфеля папку, положил её на стол Евстафьева и осторожно подвинул её к нему.

– Что это? – Спросил Николай.

– Это мемуары Горбачёва.

– Кого?!

Удивлению Евстафьева не было предела. Он открыл эту папку и стал листать.

– Откуда это у тебя?

– Ну какое это имеет значение. Здесь он рассказывает истинные обстоятельства его отставки, свои взгляды на происходящее, а также о нереализованных проектах.

– А зачем ты принёс это мне?

– Ты же всегда восхищался Горбачёвым.

– Ну что значит восхищался? Я нахожу его здравомыслящим. Очень жаль, что он так скоро решил уйти.

– Его решили уйти, так будет вернее говорить.

– А это случайно не фальшивка у тебя?

– Нет, можешь не сомневаться.

Евстафьев поднял трубку телефона, чтобы связаться с секретарём. Сказав, чтобы его в ближайшее время не беспокоили, он жадно стал рассматривать содержимое папки. И вдруг что-то как будто отдёргнуло его. Он отодвинул от себя папку и повторил вопрос.

– Так я так и не понял, зачем ты принёс её мне? Ты проявил заботу о моём просвещении? Что-то мне подсказывает, что это не так.

– Ты понимаешь, такое дело, – неуверенно начал Голубев. – Ты единственный, кто может помочь нам.

– Кому это вам, и в чём собственно я могу помочь!? – раздражённо спросил Евстафьев.

– Помочь мне и моим друзьям, обеспокоенным судьбой нашей страны. Мы считаем правильным опубликовать эти мемуары. Сам Горбачёв этого желает, но он изолирован. Это большая удача, что они оказались у нас. Впрочем, в СССР их всё равно опубликовать не удастся. Эту папку нужно переправить на Запад. Ты же, кажется, в Италию едешь. У тебя безупречная репутация, и тебя никто ни в чём не заподозрит. Помогии сделать то, чем ты в будущем сможешь гордиться.

– Ушам своим не верю. Ты в своём уме?! Что ты мне предлагаешь?!

– Я понимаю твою реакцию, но, в сущности ...

– Я даже не хочу знать твои бредовые сущности, – оборвал его Евстафьев.

– Бредовые? Бредовые – это те идеалы, которым ты служишь! Ты что, дальше кабинета своего не видишь ни чего? Ты выпускаешь свою мебель, а дома-то у тебя какая стоит, made in «не наше»? И не мне тебе объяснять, что твои гениальные проекты только для выставочного стенда, а для магазина всегда будет это дерьмо! И что-то кардинально изменить тебе никогда не позволят, потому что оставить всё как есть проще и целесообразней.

– Ты, конечно, в чём-то прав, но...

– Пора бы в конце концов задуматься, – перебил его Голубев. – Так что, может, не стоит так слепо служить этому режиму!

– Да какому ещё, к чёрту, режиму!

Последнюю фразу он сказал так громко, что резко оборвал себя и замолчал. Потом он открыл дверь, чтобы убедиться, что никто не подслушивает, задал секретарше какой-то глупый вопрос, в качестве предлога, и закрыл дверь. Увидев эту сцену, Голубев засмеялся.

– Что, боишься быть услышанным? В собственном кабинете и не поговорить, да?

– Уходи, я более не желаю с тобой говорить.

– Я, конечно, уйду, если ты этого хочешь, но ты всё-таки задумайся.

На последнюю фразу Евстафьев ничего не ответил. Он посмотрел на уходящего Александра Голубева и плюхнулся в своё кресло. Мысли переполняли его. Он не мог больше ни о чём думать. «Почему он пришёл ко мне с этим предложением?» – недоумевал Евстафьев. – «Нет, здесь что-то не то». Он встал и подошёл к окну. На улице был сильный ливень. Долго смотрел, как идёт дождь, затем стал нервно расхаживать по своему кабинету.

Раздался стук в дверь. Это был Геннадий Васильевич Филиппов, главный инженер фабрики. Он был старше и опытней Николая Евстафьева и не без основания полагал, что именно он должен был занять кресло директора. Поэтому он считал себя незаслуженно обиженным, когда четыре года назад эта должность досталась не ему. И хотя он никогда не высказывал свои мысли и прямо не желал своему шефу провала, всё-таки не удержался бы от соблазна, в случае если под Евстафьевым закачалось бы кресло. У Евстафьева на сей счёт, конечно, были смутные сомнения, однако, в виду отсутствия явных причин к подобной подозрительности, он старался гнать от себя такие мысли, как дурные. Более того, Николай ценил ум и опыт Геннадия Петровича и отдавал должное тому, что за всё время совместной работы он никогда его не подводил.

Филиппов пришёл поговорить о некоторых своих идеях по совершенствованию производства. Николай Петрович дал ему высказаться, однако сам не слушал его. Его мысли были плотно заняты недавним разговором с Голубевым, поэтому ему было ни до чего и ни до кого. Но очень не хотелось, чтобы это было заметно, поэтому Николай Петрович сделал вид, будто внимательно слушает своего собеседника. Однако в какой-то момент Филиппов заметил, что его слова пролетают где-то мимо.

– С вами всё в порядке? – спросил он.

– Да, а почему вы спрашиваете?

– У вас какой-то задумчивый вид, мне кажется, вы совсем не слушаете меня.

– Нет, нет, вы ошибаетесь, я вас внимательно слушаю, продолжайте, – слегка раздражённо ответил Евстафьев.

Филиппов продолжил, однако чувство, что его не слушают, не покидало его. В конце концов Геннадий Васильевич нашёл предлог прервать себя, сказал, что продолжит в другой раз, извинился и ушёл. «Что с ним такое сегодня? Надеюсь, нас не ждёт какой-нибудь производственный подвиг», – подумал он про себя.

Он вышел из кабинета. В приёмной секретарь набирала какой-то текст.

– Сегодня утром случайно не звонили из главка? – спросил он секретаря.

– Нет, не звонили?

– А из обкома?

– Тоже нет, – незамедлительно ответила секретарь.

«Что же, надеюсь, нас не ждут большие потрясения», – сказал он про себя и удалился в свой кабинет.

Николай Евстафьев снова остался один в своём кабинете. И снова мысли стали переполнять его. Ему вдруг стало любопытно конкретное содержание этих мемуаров. О чём может писать отставной генеральный секретарь ЦК КПСС? Хотя он и не решился открыто и откровенно ответить Голубеву, когда тот спросил его про восхищение Горбачёвым, всё-таки он всегда симпатизировал бывшему генсеку. Он почти полностью разделял его политику и сожалел о его скорой отставке. Более того, он питал большие надежды на Горбачёва и искренне верил, что эта отставка пошла скорее во вред и что Советский Союз ожидал бы значительный скачок вперёд, если бы он проработал на этом посту больше. А то руководство партией и государством, которое пришло на смену, явно слабее. Подобных надежд он более не питал. Однако, как убеждённый коммунист и верный слуга партии, он заставлял себя верить в добровольную отставку Горбачёва и в ту критику, которой подвергли некоторые его решения на XXVIII съезде КПСС. По этой самой причине он старался отогнать от себя это любопытство.

В этих размышлениях он провёл весь день. Работа мало занимала его внимание. Но и дома мысли не отпускали его. Его жена Елена почти с порога заметила это.

– Какие-то неприятности на работе? – спросила она.

– Да нет, на работе всё в порядке.

– Тогда что с тобой?

– Александр сегодня приходил...

– И что?

– Даже не знаю, как сказать. Это просто невероятно.

– Так говори уже.

– В общем, он принёс мне мемуары Горбачёва.

Ответ явно удивил её. Она очень давно знала Александра и не могла понять, откуда у него могут быть подобные вещи. Она даже предположила, что, возможно, речь идёт совсем о другом человеке, однофамильце, который тоже чем-то знаменит.

– Я так понимаю, речь идёт не о генеральном секретаре?

– Ты неправильно понимаешь, речь как раз идёт о нём, о Михаиле Сергеевиче Горбачёве, бывшем генеральном секретаре ЦК КПСС.

– Ничего не понимаю, – удивлённо сказала Елена, – он что, выпустил мемуары?

– Ну как выпустил? Написал. Это папка с текстом, а не изданная книга. Собственно, он за этим их мне и принёс.

– За чем, за этим?

– За опубликованием.

Елена не переставала удивляться. Чем дольше продолжался их разговор, тем больше она запутывалась в сути происходящего.

– Опубликовать – как это, где?

– За границей.

– За границей? А, вот оно в чём дело.

Теперь Елене стало всё понятно. Её, конечно, удивило, что Александр пришёл к её мужу с таким предложением, но в остальном всё логично. Переправить на Запад и там опубликовать. И так как Николай собирается в Италию, он к нему и пришёл, очевидно, как к последнему возможному, а может быть, и единственному варианту.

– Они у тебя? – спросила Елена.

– Мемуары? Конечно, нет, как я мог их взять! – слегка разгоряченно ответил Николай.

– Ладно, не горячись, просто я подумала, может быть, там ничего крамольного?

– Да ты что такое говоришь? Разве в этом суть?

– А в чём же ещё? Ты же сам говорил, что со времён Ленина не было более удачного руководителя нашей страны, чем Горбачёв. И почему бы тебе было не взять его мемуары? Хотя бы просто чтобы почитать.

Николай Евстафьев был очень удивлён подобным рассуждением жены. Он нисколько не сомневался, что она начнёт осуждать действия Голубева, но вместо этого она предложила ознакомиться с содержанием. Причины, по которым он не взял мемуары, казались ему очевидными и не требующими разъяснения. А тут собственная жена задаёт такие, как ему казалось, провокационные вопросы.

Жена Николая Евстафьева была родом из интеллигентной семьи. По стопам своих родителей она окончила педагогический институт и работала завучем в одной из средних школ.

– Брось, Лена, ты прекрасно понимаешь, почему я не взял их. И при чём тут то, что я говорил?

– Так ты не думаешь так на самом деле?

– Думаю и убеждён, что будь у него больше времени, многое могло бы быть по-другому.

– Ну вот, ты бы и узнал, как это могло бы быть. Впрочем, я как учитель истории могу тебе чётко сказать: можно много рассуждать о том, что и как могло бы быть, но история не терпит сослагательного наклонения.

Глава 2

Александр Голубев ехал в своём автомобиле. Он направлялся на встречу к своим друзьям. Ему предстояло сообщить, что Николай Евстафьев отказался содействовать им. Он был почти уверен в таком исходе дела и очень не хотел предлагать Николаю переправлять мемуары на Запад, но под настойчивым напором своих друзей всё-таки сделал это.

Александр ехал на квартиру к Виктору Сосновскому. Сосновский был родом из семьи, подвергшейся репрессиям. Его родители познакомились в лагере и, к счастью, оба остались живы. И хотя они почти не вспоминали об этом факте своей биографии, Виктор, конечно же, хорошо знал об этом и во многом поэтому очень не любил советскую власть.

На квартире Сосновского Голубева ждали также Евгений Котов и Геннадий Блажис. Всех их объединяло одно: все они были противниками советской власти.

– Ну как? – спросил Евгений Александра, едва закрылась дверь за последним.

– Ровно так, как я вам ранее и говорил: он отказался, – слегка раздражённо ответил Александр Голубев.

– Что же, отрицательный результат тоже результат, – как бы подвёл черту Геннадий Блажис.

– Да какой, к чёрту, результат, я из-за вас поссорился со своим другом! – ещё более раздражённо возразил Голубев.

– Ладно, эмоции в сторону, – остановил его Сосновский.

На какое-то время возродилась тишина, все молчали и каждый думал. Почти всем им приходило на ум одно и то же. Теперь есть человек, который не участвует в их деле, но который об этом осведомлен, и осведомлённость эта скорее будет вредить делу. Озвучил же эту мысль Блажис.

– Что же теперь делать будем? Насколько безопасна для нас ситуация, когда наше дело перестало быть тайной?

– Я не думаю, что нам всерьёз следует беспокоиться об этом. Я доверяю Николаю и убеждён, что он никому ничего не расскажет, – не задумываясь ответил Голубев. – Куда более серьёзный вопрос – это как переправить текст на Запад.

– Да уж, вопрос действительно серьёзный, – подтвердил Сосновский. – А что, он так категорически отказался? Как у вас разговор-то протекал?

Голубев насторожился. Он взглянул на Сосновского, в его глазах читалось недоверие – чувство, которое тяготило их обоих. Виктора – потому что он был сильно разочарован результатом, ну и конечно, ещё более это тяготило Александра. Хотя правильно было бы сказать – раздражало. Ему было крайне неприятно, что ему может быть оказано какое-то недоверие и, быть может, где-то подозрение. Он заранее предполагал, что Евстафьев вряд ли будет помогать в переправке мемуаров, но всё-таки согласился на эту крайне спорную миссию. И вот теперь эта миссия стала представляться ему ещё и неблагодарной. Его так распирало возмущение, однако он всё-таки сдержал себя. Он рассказал своим друзьям, как прошёл разговор, что на какой-то момент ему даже показалось, что Николай заинтересовался, внимательно разглядывал содержание папки, но, в конце концов, всё-таки связываться не стал, и, во избежание крупной ссоры, ему пришлось уйти.

– Может быть, тебе стоило как-то поделикатнее построить разговор, начать издаleка? – порассуждал Котов.

– Издаleка? Насколько издаleка, от Копенгагена что ли? – попытался отшутиться Александр.

– Ну при чём тут Копенгаген? – продолжал Котов. – Надо было сначала его подготовить как-то, а уж потом перейти к главному.

– Да-а-а!!! Не думал я, что вы всё так перевернёте. Это что же получается, я всё испортил? – недоумевал Голубев.

Александр стал определённо нервничать. Свои эмоции он стал контролировать всё меньше. И в конце концов разошёлся.

– Кто как не я предупреждал о бесперспективности этой идеи? – возмущался он. – Кто как не вы уговаривал меня на эту авантюру!

– И правильно, что уговаривали, и это не авантюра, на сегодняшний момент это по сути наша единственная возможность, – ответил Котов, – и мы очень на тебя рассчитывали, а теперь...

– Ладно, Женя, перестань, – перебил его Геннадий Блажис, – давайте лучше решать, что делать будем. Я предлагаю не смотреть на дело так пессимистично.

– В смысле? – недоумеая, спросил Сосновский.

– В принципе, – продолжал Блажис, – я вполне понимаю чувства Николая и не считаю, что произошло что-то невероятное. Однако мне почему-то кажется, что Николаю просто нужно время, так сказать, переварить эту информацию. А позже вновь съездить к нему.

В этот момент все дружно посмотрели сначала на Блажиса, а затем на Голубева. Александр обратил на это своё внимание, вскочил с кресла, на котором сидел, и стал нервно расхаживать по комнате.

– Нет, нет и ещё раз нет, – категорично возразил Голубев, – второй раз я на это ни за что не пойду! Просто смысла не вижу.

Все улыбнулись. Александр же продолжал расхаживать взад и вперёд.

– А ты знаешь, я, пожалуй, согласен с Геной, – осторожно произнёс Сосновский, – мы сделали серьёзный шаг вперёд, и у нас нет возможности делать шаги назад.

– Как говорится, проиграна лишь одна битва, но не вся война, – поддержал Котов, – я также считаю, что разговор с Николаем нужно продолжить.

Голубев ничего не отвечал ни Сосновскому, ни Котову. Он старался придумать какой-нибудь очень весомый довод, против которого будет очень трудно что-то возразить, но в голову ничего не приходило. При этом он не переставал расхаживать по комнате.

– Да сядь же ты, в конце концов, – резко сказал Сосновский Голубеву, – в глазах рябит.

Голубев сел в своё кресло. Однако его продолжали распирали эмоции. Он не мог поверить в то, что его друзья настаивают на том, что он и в первый-то раз считал делом провальным. Теперь же ситуация только усложнилась и прийти к Николаю Евстафьеву снова по тому же поводу казалось Александру не только бесперспективным, но вредным.

– Как вы себе это представляете? – обратился он ко всем присутствующим. – Я вновь принесу ему эту папку, он обрадуется, быть может, даже извинится, скажет, что был неправ, и с превеликим удовольствием отвезёт её за бугор?

– Ну, вроде того, – улыбнувшись, ответил за всех Блажис.

Голубев не нашёл, что добавить к своим словам, поэтому просто поднялся и ушёл. Он понял, что сейчас ему бесполезно что-либо доказывать. Он решил уйти, собраться с мыслями и потом объяснить своим друзьям, как ему казалось, всю глупость их позиции. Оставшиеся же расценили уход Александра Голубева исключительно как обиду, которую, должно быть, он затаил на них.

– Похоже, мы немножко перегнули палку, – разрядил тишину Виктор.

– Он по большому счёту тоже неправ, – возразил Геннадий, – ну, что, собственно, он со своей стороны предложил?! Ничего, кроме этого театрального демарша. Давайте мы все сейчас разойдемся. Что, это будет решение проблемы?

– Да, нет, конечно, – поддержал Котов.

– В таком случае, – продолжал Блажис, – нет смысла заниматься самобичеванием. Сколько можно толочь воду в ступе? У нас выдался шанс сделать что-то серьёзное. Согласитесь, это будет хорошим подарком от нас на 90-летие этого большевистского переворота!

Ещё около часа Евгений Котов и Геннадий Блажис оставались на квартире у Виктора Сосновского. Все сошлись во мнении, что Александру Голубеву нужно дать время отойти от эмоций, однако все всё-таки находились в немного удручённом состоянии. Дело, определённо, стало буксовать.

Глава 3

Неделей ранее до описываемых событий у Виктора Сосновского был очередной день рождения, ему исполнилось 45 лет. Радость праздника смешивалась с горечью понимания того, что за 45 лет он так и не сумел сделать ничего, чем бы он мог по-настоящему гордиться. Его натура желала действий, действий серьёзных, масштабных.

Раздался звонок его телефона.

– Алло, слушаю вас, – ответил Виктор.

– С днём рождения!

– Кто это?

– Ты не узнал меня! Нехорошо забывать своих родственников!

Собственно говоря, родственниками они уже не являлись. Это был бывший свояк Виктора, Василий Рыжов. Они уже давно не виделись, поэтому Виктор сильно удивился этому звонку. Виктору никогда не нравился характер Василия и, конечно, ему сильно не нравилась его служба: Василий был офицером КГБ. Поэтому, когда сестра жены Сосновского развелась с ним, Виктор поддержал её в этом. В тот момент отношения между Рыжовым и Сосновским испортились до откровенно враждебных. Рыжов даже пытался привлечь Виктора к уголовной ответственности за действия, направленные на подрыв советской власти, но из-за отсутствия серьёзных улик дело так и не было возбуждено. И тут он вдруг спустя 12 лет решил поздравить, поздравить с днем рождения.

– Ну, и что тебе нужно? – сурово спросил Виктор.

– Я же сказал: поздравить тебя с днём рождения.

– Поздравить меня... ты?

– Ну а что тут такого? Более того, у меня для тебя подарок! – интригующим голосом сказал Василий.

– Я думаю, что прекрасно обойдусь без твоих подарков, – ответил Сосновский.

– А вот я убеждён в обратном.

– Так что же ты мне хочешь подарить?

– Это сюрприз. Давай встретимся через полчаса. Буду ждать тебя рядом с твоим домом возле овощного магазина.

Рыжов положил трубку. Первая мысль Виктора Сосновского была никуда не идти. В конце концов, ничего хорошего ждать от Рыжова, как он считал, не приходится. Но, с другой стороны, просто так человек спустя время не объявится, и, если он даже задумал что-то коварное, лучше выяснить это как можно быстрее.

Сосновский пошёл на встречу с Рыжовым. Подходя к овощному магазину, он заметил, что стоящая рядом машина мигнула фарами. Он подошёл к машине. В ней сидел Василий Рыжов. Рыжов открыл переднюю дверь, в неё сел Сосновский. Василий протянул руку, Виктор нехотя пожал её.

– Ну, рассказывай, – начал Сосновский.

– Что же ты так серьёзно? Расскажи хоть, как живёшь, как дела.

– У меня всё по-прежнему, а ты, если я не ошибаюсь, теперь в 9-м управлении?

– Однако, какая просвещённость! – удивлённо сказал Рыжов.

– Земля слухами полнится. Охраняешь партийных бонз?

Василий заулыбался. Он явно испытывал удовольствие от этого разговора, что в свою очередь лишь раздражало Сосновского.

– И как таким людям, как ты, Партия доверяет самое ценное, что у них есть? – возмущенно спросил Виктор.

– Ну, зачем же ты меня обижаешь? Впрочем, что касается меня, то мне досталось не совсем самое ценное.

– И кто же этот несчастный? – сострил Сосновский.

– Бывший генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачёв.

Такой ответ вызвал паузу в разговоре. Сосновский уже был готов ответить что-нибудь едкое в адрес какого-нибудь партийного или правительственного руководителя, но Горбачёва Виктор очень уважал. Поэтому он немножко растерялся и не находил, что ответить. Пауза грозила затянуться.

– Что ты замолчал? – прервал тишину Рыжов.

Сосновскому захотелось сказать, что только насквозь гнилая советская система могла доверить такому негодяю безопасность такого выдающегося человека. Но решил, что не стоит озвучивать эти мысли. Тем более, – думал он, – вряд ли тут можно говорить о безопасности, скорее это заточение. Человека, который предпринял попытку изменить систему, эта система просто так не отпустит. А для этих целей кандидатура Рыжова, пожалуй, подходящая. Только тюремщиком ему и быть. Но и этих мыслей Виктор решил не высказывать.

– И как он поживает? – спросил Виктор Сосновский.

– Даже и не знаю, что сказать, смотря с чем сравнивать. Во всяком случае, я думаю, нашлось бы немало людей среди советских пенсионеров, которые с удовольствием оказались бы на его месте. Кстати, он живёт в Калининской области, в Завидово.

– Достойный человек, я очень уважаю его, – слегка раздосадованным голосом ответил Сосновский.

– Я так и думал, в таком случае тебе будет небезынтересно узнать, что он написал мемуары.

– Мемуары? Никогда не слышал об этом.

– Естественно, и не услышал бы, если б я тебе не сказал.

– В таком случае для чего ты мне об этом сказал? – заинтриговался Сосновский.

– Он хочет их сделать достоянием общественности.

– Интересно, ты здесь при чём? – удивился Сосновский.

Рыжов взял с заднего сидения свой портфель и достал оттуда папку. Эту папку он тут же протянул Виктору. Сосновский незамедлительно открыл её. В ней были те самые мемуары.

– Где ты это взял? – спросил Сосновский.

– У первоисточника.

– У кого?!

Виктору Сосновскому не верилось в происходящее. «Да неужели Василию удалось влезть в доверие к Михаилу Сергеевичу? – думал он про себя. – Если это так, то одному Богу известно, какие гадости он может натворить в связи с этим. И неужели в окружении такого человека не нашлось по-настоящему достойной личности? Или, быть может, он выкрал их, – продолжал размышлять Сосновский, – и если это так, то чего он добивается?» Все эти мысли сильно беспокоили Виктора.

– Ты, наверное, думаешь, что я их украл, – произнёс Рыжов.

Сосновский в ответ промолчал.

– Он сам мне их дал, – продолжил Василий.

– Странно, а почему именно тебе? Больше никого не нашлось? – удивлённо спросил Сосновский.

– Отчасти да, ведь доступ к нему сильно ограничен. Образно выражаясь, он находится в золотой клетке. Я так подозреваю, что это акт отчаяния. Всё-таки надо принять во внимание, что он уже немолодой. А тут недавно у него с желудком плохо было. Так он предположил, что его отравить хотели. Лично я так не думаю, впрочем, как знать, у нас возможно всё. Нам ведь тоже всего не рассказывают. Близких же людей подставлять ему не хотелось бы. Если КГБ

сцапает их с его бумагами, им не поздоровится, а тут сам КГБ, в моём лице, будет проводить его дело. Тем более, я уже выполнял его мелкие поручения, так что он доверяет мне.

– И как же ты, сотрудник госбезопасности, пошёл на сговор с человеком, которого партия отредила от власти? – возмущённо спросил Сосновский.

– Не буду лукавить, он хорошо заплатил мне за это.

– Да-а-а! Я всегда знал...

– Давай обойдёмся без всех этих высоких слов и выражений, – перебил Сосновского Рыжов, – ты таких денег в глаза не видел и не увидишь никогда, ну если только по телевизору. Так что лучше оставим эти разговоры и перейдём сразу к делу.

– А какие у нас с тобой могут быть дела?

– Ты, что же, так и не понял до сих пор? – удивился Василий. – Я хочу передать это тебе. Михаил Сергеевич очень интересовался, есть ли у меня знакомые достойные люди, кто мог бы помочь, и тут я вспомнил о тебе. Уверяю, это очень интересная информация. А для тебя так просто бесценная. Факты, которые здесь изложены, представляют существующий строй в крайне невыгодном положении. О такой подарке ты даже и мечтать не мог. Убеждён, ты сделаешь всё возможное, чтобы об этом узнало как можно больше людей.

– Это всё, конечно, прекрасно, но откуда я знаю, что это не фальшивка? – усомнился Сосновский.

– Обрати внимание, что каждый лист им собственноручно подписан, так что у тебя будет возможность разобраться. Это он сделал специально, чтобы не было подозрений в подлинности, ведь можно было бы вообще электронную версию принести. И вот ещё что, – продолжил Рыжов, – у тебя будут расходы, здесь деньги.

Василий протянул Виктору довольно пухлый конверт. Потом Василий Рыжов предупредил об осторожности и посоветовал найти надёжный тайник, чтобы не держать мемуары и деньги дома. Но Сосновский и сам прекрасно осознавал всю серьёзность ситуации. Забрав папку и конверт, он поспешил уйти.

Уже через час он был у Геннадия Блажиса. Блажис был специалистом в области графологии. Именно поэтому первым делом Виктор решил встретиться с ним. Ему не терпелось узнать, действительно ли в папке, которую ему передал Рыжов, находились подлинные мемуары М. С. Горбачёва.

Так же, как и Виктор, Геннадий был удивлён происходящим. Он даже пожурил Виктора за то, что тот был недостаточно бдителен с Рыжовым. Как-никак Рыжов был кадровым офицером КГБ. Однако гнев был скоро сменён на милость.

– Я об этом пока никому не говорил, – сказал Сосновский.

– Хорошо, и не говори пока, мне нужно время, чтобы внимательно всё проверить, чтобы не было ошибки.

– Я постараюсь достать копию собственноручной подписи Горбачёва, правда я пока не знаю где. Боюсь, на это может уйти много времени, – беспокоился Сосновский.

– Подожди, подожди, кажется, я знаю...

После этих слов Блажис стал что-то выискивать на книжных полках. Спустя непродолжительное время он нашёл между книг какую-то брошюру, достал её и с довольным видом бросил на стол прямо перед Виктором Сосновским. Сосновский взял её и стал читать, что написано на обложке.

– Устав коммунистической партии? – удивился Виктор. – Зачем нам это?

– А ты открой обложку, – усмехнулся Геннадий.

Виктор открыл обложку и на развороте увидел, что этот экземпляр устава с автографом.

– Это что, автограф Горбачёва? – спросил Сосновский.

– Можешь даже сомневаться, я сам его взял, – улыбнувшись, ответил Блажис.

– Откуда это у тебя?

– Сорока на хвосте принесла, – засмеялся Геннадий.

– Нет, серьёзно, – переспросил Виктор.

– В далёкие студенческие времена он приезжал к нам в институт. И довольно охотно общался со студентами. Появилась возможность взять его автограф. Ничего более подходящего под рукой не нашлось, и я попросил его расписаться на уставе КПСС.

– Ну, что ж, хоть для чего-то пригодился устав КПСС, – улыбнулся Виктор.

Сосновский обрадовался. Это была, бесспорно, большая удача. В противном случае поиск образца подписи Горбачёва, даже в копии, мог бы занять огромное время и потребовать огромных усилий. А тут оригинальная подпись, да к тому же со 100-процентной гарантией подлинности.

– Ладно, не буду тебе мешать, – сказал Виктор, – вечером жду тебя у себя, надеюсь, к тому времени будут уже какие-то результаты.

С этими словами Сосновский поспешил уйти.

Всё время до праздничного ужина в честь его дня рождения он только и думал о том, что ему принёс Рыжов. Ещё его очень впечатлило, когда Рыжов говорил про знакомых достойных людей. Было во всём этом что-то нелогичное и где-то даже противоестественное. Однако все эти сомнения развеялись бы в Сосновском, будь он абсолютно уверен в подлинности мемуаров. Поэтому ожидание вердикта Блажиса для него было особенно мучительным.

И вот все собрались дома у Сосновского. Геннадий Блажис поспешил отозвать его в другую комнату.

– Ну, что? – не терпелось Виктору. – Это не подделка?

– Мне, конечно, ещё нужно время, но уже сейчас процентов на 90 я уверен, что это действительно подлинник.

– Потрясающе! – воскликнул Виктор. – Думаю, теперь мы можем рассказать об этом и Жене с Сашей.

С одобрения Геннадия Виктор позвал их общих друзей. И хотя их первой реакцией стала лёгкая обида, что им не рассказали всё сразу, всё-таки они крайне позитивно встретили эту новость. Все тут же сошлись во мнении, что их непременно нужно переправить на Запад. В противном случае опубликовать их просто не представлялось возможным. Ни одно советское издательство за опубликование подобного материала никогда не возьмётся. Конечно, их можно было бы напечатать и тайно и в такой же тайне распространять. Однако тираж был бы несопоставимо меньшим, а риск распространения очень велик. Всё-таки это не листовки. В результате аудитория покрытия была низка, дело бы могло быстро провалиться, а мир, пускай для начала лишь на Западе, так и не узнал бы правды. Однако понимание этого сулило немалые сложности. Западный журналист, с которым они последнее время сотрудничали, около полутора лет назад был объявлен персоной нон грата, а связной, который обеспечивал с ним связь, не был арестован только потому, что по роковому стечению обстоятельств в день предполагаемого ареста погиб в автокатастрофе. Только эта ужасная трагедия спасла Виктора Сосновского и его друзей от преследования КГБ, однако их деятельности всё-таки был нанесён серьёзный урон. В частности, выход на Запад был пока отрезан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.